

A detailed illustration of a Warhammer 40k battle scene. In the center, a large, dark, heavily armored vehicle, possibly a Land Raider, is firing a large cannon. Several soldiers in power armor are engaged in combat around it. In the background, a large, multi-winged aircraft is visible. The scene is filled with smoke and fire, creating a chaotic and intense atmosphere. The entire image is framed by a thick, golden-yellow border.

ЗВЕРИНОЕ ЕСТЕСТВО

РАССКАЗ

ПИТЕРА МАКЛИНА

НАШ КАНАЛ В TELEGRAM: @GUILDWH40K

Данный материал является интеллектуальной собственностью

telegram-канала Гильдии Переводчиков

<https://t.me/guildwh40k>

При его дублировании вы обязаны указать источник перевода

Переводчик – Юрия Скейс

Редактор – Pictor Jack

ЗВЕРИННОЕ ЕСТЕСТВО

ПИТЕР МАКЛИН

Вардан IV, передовая база огневой поддержки Астра Милитарум

«Тема-82»

Тремя месяцами ранее

Сержант Рэчейн зачитывал взводу имена пропавших без вести каждое утро.

И каждое утро эта процедура занимала времени больше, чем сутки назад...

– Милость Императора... – пробормотал капрал Калли, когда начался вонючий ядовитый дождь. От дурно пахнувшей влаги горячий воздух вокруг стал еще более невыносимым, и теперь капли воды барабанили по брезенту, натянутому над головами солдат. – Если все так и продолжится, то к тому моменту, когда мы сможем свалить отсюда, никого из нас не будет в живых.

– Что говоришь, капрал?

Это был Круглорожий из третьего отделения. Калли посмотрел на толстое, широкое и потное лицо рядового и увидел страх, отпечатавшийся в рано появившихся морщинках вокруг глаз юноши.

– Ничего, – хмыкнул он. – Старик Калли просто болтает сам с собой. Не забивай этим свою прелестную маленькую голову, рядовой.

Калли понятия не имел, как Круглорожего звали по-настоящему – да и какое это имело значение? На Вардане IV не было разницы как и кого зовут – по меньшей мере, до первого боя, но большинство новобранцев его не переживали.

Душные джунгли буквально кишели орками. 45-й Реслийский перемалывал новых солдат так же быстро, как их доставляли войсковые транспортники. Калли, впрочем, находился здесь уже два года – как, конечно же, и Рэчейн.

Они были крепкой парочкой, как и другие во втором отделении – сержант Дрэчан, капрал Гешт... Старая гвардия, костяк взвода «Альфа» роты D. Закаленные ветераны.

Выжившие.

Он подумал, что капрал Риккардс и его шайка тоже была ничего – особенно здоровяк, которого Калли за глаза величал Огрином – назвать его так в открытую он бы не осмелился. Кажется, его звали Лопата. Но они были из взвода «Бета» и сторонились чужаков, так что варп с ними.

Не-е-ет, только старая гвардия имела значение. Рэчейн, Калли, Дрэчан, Гешт... Ветераны-сержанты и опытные капралы – вот самые важные элементы взвода. Рэчейн был сержантом взвода «Альфа» и лидером роты D, а Калли его надежной правой рукой и лучшим другом.

«Так в армии и бывает», – подумал Калли. – «Лейтенанты нужны, чтобы перекладывать бумажки или служить козлами отпущения, если операция идет не по плану, а чем занимаются капитаны, так и вовсе никто не знает...».

Как считал Калли, все, кто имел звание еще более высокого ранга, с тем же успехом могли и не существовать. Войны выигрывают солдаты, которые барахтаются в грязи, а не генералы, полирующие задницами свои мягкие кресла.

– Как много имён, капрал, – заговорил Круглорожий.

Калли уже успел забыть о том, что рядовой существовал. Он моргнул и удивленно взглянул на новичка.

– Это война, Круглорожий. Люди пропадают или подышают в чертовых джунглях. Именно для этого нас сюда притащили – говорю на тот случай, если

крохотный мозг за твоей огромной рожей это ещё не усвоил. Мы Имперская Гвардия. Мы существуем, чтобы умирать.

– Да, капрал, – покорно согласился солдат. Это был единственно верный ответ из существующих.

Калли командовал первым отделением взвода «Альфа». Он был правой рукой Рэчейна. Ни один новобранец из «нижнего» отделения не посмеет с ним спорить, если он не враг своему здоровью.

– Капрал, – прохрипел голос позади, прозвучавший так, словно кто-то говорил из раскопанной могилы.

Калли знал, что это Стальной Глаз. Он повернулся и посмотрел на ветерана-снайпера. Она была в первом отделении еще до появления Калли, но на настоящее имя не откликалась с тех пор, как была ранена и заработала прозвище. Калли с большим уважением относился к её мастерству, но смотреть на снайпера от этого было не легче.

– Что? – спросил он, разглядывая лицо снайпера и силясь сохранить напускное безразличие.

Однажды Стальной Глаз столкнулась с орком в ближнем бою. Настолько ближнем, что тварь клыками оторвала ей лицо.

Левая глазница была настолько сильно повреждена, что медики смогли лишь прикрыть месиво из осколков черепа отвратительной блестящей синтекожей, отчего голова женщины стала выглядеть пугающе перекошенной. В правую глазницу имплантировали округлую металлическую аугметику – именно из-за этого Стальной Глаз и получила прозвище. Носа у снайпера вообще не было – только дыра с рваными краями, из которой почти непрерывно текли густые зеленые сопли, а на левой стороне челюсти виднелась голая гость – синтекожа там, увы, не прижилась.

Через плечо снайпера был переброшен специально доработанный лонг-лаз с прицелом, который отлично сочетался с аугметическим глазом – оружие стало частью ее тела. На Вардане IV ветеран записала на свой счет восемьсот тридцать семь подтвержденных убийств.

– Хватит накручивать беднягу, – сказала Стальной Глаз, кивнув на Круглорожего. – Ты не слушал список.

Калли пожал плечами. Он не слушал его последние восемнадцать месяцев.

– И что с того?

– Дрэчан в списке.

Калли непонимающе моргнул. Сержант Дрэчан был лучшим разведчиком взвода.

«*Попасть в список*» – так говорили о тех, кто шел на рейд в зеленку и не возвращался. Иногда солдата официально признавали «*убитым в бою*» – но только если он был убит на глазах друзей, и кому-то удавалось забрать его жетоны, сдав их в Муниторум. Там, в свою очередь, фиксировал смерть и посылал так называемое «*письмо ближайшим родственникам*» – впрочем, это происходило редко. В непроходимых джунглях Вардана IV, кишущих зеленокожими, девяносто процентов потерь официально считались как пропавшие без вести – никто просто-напросто не мог найти их останки после боя.

– Уверена?

Стальной Глаз кивнула и вытерла обрубок носа тыльной стороной рукава, покрытого засохшей слизью.

– Слово Императора. Он ушёл вчера со вторым отделением и не вернулся. Гешт будто по стенке размазали.

Калли медленно кивнул. Он знал, что Дрэчан и его капрал были близки. Слишком, особенно по меркам тех, кто заботился о правилах, установленных уставом. Впрочем, Калли на него было всё равно.

– У меня в палатке завалилось немного сакры, – вздохнул капрал. – Возьму и загляну к ней. Спасибо, Стальной Глаз.

Ветеран кивнула Калли изуродованной головой – большего ничего и не требовалось. Круглорожий, в свою очередь, с наивным недоумением смотрел на рутину жизни солдат Астра Милитарум.

Смерть. Потери. Горе.

Всего лишь еще один день в славной Имперской Гвардии.

Вардан IV

Наши дни

Калли нажал на спусковой крючок лазгана и залп автоматического огня разорвал орка на части.

– *Зубы Императора, их слишком уж много,* – прорычала Гешт в вокс-бусине.

Капрал была в пяти, может, шести сотнях ярдов слева от Калли, скрытая завесой удушливого дождя вместе со своим отрядом.

Взвод «Альфа» находился глубоко на вражеской территории, разведывая позиции передовых порядков противника.

– *Я тебя слышу,* – ответил Калли. – *Сосредоточь огонь на самых больших, они главные.*

– *Я тебе что, сраный новобранец?! –* зарычала Гешт. – *Я это и сама знаю, Калли.*

Капрал пожал плечами, хоть и знал, что собеседник его не видит.

– *Конечно, Гешт. Просто следи за своей задницей, и еще сильнее следи за задницами своего отделения.*

– *Ты еще научи меня отсасывать...* – начала было капрал, но неистовый поток брани прервал треск залп лазганов, раздавшийся в вокс-бусине.

– *Ну-ка повтори...*

– *Ага,* – огрызнулась Гешт. – *Ты уж прости, я тут занята делом. А что насчет тебя, умник?*

Калли сдержался, чтобы не ответить что-нибудь неприятное, и пополз вперед на локтях и коленях по вонючей грязи и гниющей растительности. Проникающий сюда свет, проходя сквозь растительность и пелену дождя, имел зеленовато-желтый оттенок.

Весь мир Калли состоял пота, грязи и глины.

Ремни бронежилета натирали сквозь ткань майки, мокрой от пота, приводя к неизбежным язвам и опрелостям, которые были обыденным явлением на Вардане IV. Огромные насекомые роились вокруг, впиваясь в открытую кожу, и ему не раз приходилось останавливаться, чтобы смахнуть с рукавов отвратительных полупрозрачных паукообразных тварей.

– *Доложить обстановку*, – приказал мгновение спустя капрал.

– *Около пяти сотен на девять часов от тебя*, – отозвалась Гешт. – *Других контактов не обнаружено. Прикрываем босса.*

– *Принято*, – сказал Калли. Рядом с его отделением, наконец, тоже не осталось живых орков.

Оба отряда приближались к Рэчейну. Тот, конечно же, был в командном отделении, вместе с лейтенантом Мэккроном, который – по крайней мере, номинально, – был главным в разведывательном патруле взвода «Альфа».

«*Если у Мэккрона есть хотя бы половина мозга*», – подумал Калли. – «*Он будет делать то, что ему скажет Рэчейн*».

Офицер буквально только что выпустился из кадетского училища на самой Реслии. На родине все проходило довольно старомодным образом: все мальчики из порядочных семей направлялись прямым ходом в офицерское училище. «Порядочные семьи» – это, естественно, те, у которых водились деньги.

Ему было, самое большее, двадцать стандартных терранских лет. Рэчейн был почти вдвое старше, и все эти годы провел в Гвардии. Он знает, что делает.

Естественно, новоиспеченный лейтенант был по званию старше взводного сержанта, но нужно было быть редкостным идиотом, чтобы попытаться воспользоваться своим положением. Калли совсем не хотелось, чтобы кто-то настолько тупой командовал им и его отделением.

– *Эй, Гешт*, – обратился Калли, переключив вокс на закрытый канал. – *Как тебе новый лейтенант?*

Гешт фыркнула ему в ухо.

– Соплей в голове ещё больше, чем у прошлого. Глядишь, следующий вообще приедет к нам сразу в подгузниках.

– Ага, – согласился Калли. – Как думаешь, он слушает Рэчейна?

– Лучшие бы слушал, а то так можно и пулю от орка в спину словить, – ядовито прошипела Гешт.

– Прямо как в прошлый раз, а?

Их предыдущий лейтенант была редкостной идиоткой. Несмотря на настойчивые возражения Дрэчана, она завела отряд в засаду, в которой погибли тридцать солдат. Лишь отточенная годами реакция ветеранов и хладнокровная снайперская стрельба Стального Глаза вытащили их из той передраги.

А лейтенант... Ей в спину выстрелил какой-то одинокий орк по пути на базу. Зеленокожего так и не нашли, и во взводе шептались о том, что его, возможно, зовут, Гешт, но доказать никто ничего не мог, и, сказать по-правде, и не стремился.

Калли считал, что это было к лучшему. Джунгли переворачивали представления людей о добре и зле, и он уже давно с этим смирился.

– Понятия не имею, о чём ты, – ответила Гешт ровным и бесстрастным голосом.

Калли захотелось дать себе пинка за идиотизм – ведь все это это случилось тогда.

Еще до того, как Дрэчан попал в список. До того, как Гешт сошла от горя с ума...

– Да нет, ничего, – уверил он. – Всё в норме.

– Ага, в норме, – согласилась Гешт. Момент неловкости был исчерпан.

Калли вспомнил день, когда Стальной Глаз сообщила, что Дрэчан попал в список. Вспомнил, как пошёл в палатку Гешт с фляжкой запрещенной сакры, чтобы узнать, как она.

А она... Она просто свихнулась. Разобрав лазган, Гешт смазывала его собственной кровью, вновь и вновь бормоча имперскую *Литанию Мщения*. А крови там хватало – надо было видеть, во что она превратила свою левую руку.

Шрамы всё ещё были отчётливо видны — бледные твердые бугры соединительной ткани на загорелой коже, оставленные, когда Гешт наполовину содрала штыком кожу с предплечья в приступе горя и ярости. Калли подвергся настоящему испытанию: ему пришлось схватить Гешт, чтобы не дать истечь девушке кровью, и попросить их отрядного медика о личной услуге — сохранить произошедшее в тайне.

Сакру чуть позже Калли выпил сам, в одиночестве.

Он сохранил все в секрете, хотя должен был подать рапорт — как капрал искренне полагал, это и стало единственной причиной тому, что помешало Гешт прикончить его во сне, когда она вроде как выздоровела, ведь Калли видел ее в слабости, стыде и в муках и понимал, как нелегко ей пришлось.

К сожалению, разум Гешт так и не исцелился.

Капрал переключил вокс-канал на частоту взвода:

— *Калли — Рэчейну. Первое отделение приближается, на восемь часов.*

— *Второе отделение,* — подхватила Гешт. — *Приближаемся, пять сотен на девять часов.*

— *Третье отделение,* — продолжил капрал Данникер. — *Восемь сотен на четыре часа.*

— *Принято,* — воксировал Рэчейн. — *Перегруппироваться у командного отделения.*

Патруль начал собираться у позиции командного отряда: ветераны беззвучно, словно призраки, двигались сквозь давящую влажность джунглей, но новобранцы отделений, сопляки, еще не заработавшие имен, шумели за всех.

Калли вздрогнул, услышав, как Ходок из его отделения запнулся о торчащий корень и с всплеском упал в вонючую лужу. Капрал в гневе развернулся, но Стальной Глаз уже схватила идиота-новичка железной хваткой за горло и поставила на ноги, а затем двинула под ребра, отчего тот сложился вдвое, а затем добавила по спине. Снайпер перехватила взгляд капрала, направленный на сопляка, но ее изувеченное лицо не отразило никаких эмоций. Впрочем, Калли понял все и сам.

«Императора ради!», – вопили ее глаза, и капрал не мог с этим не согласиться.

Ходок, наконец, перестал хватать ртом воздух и пехотинцы двинулись дальше. Стоило отметить, что новичок больше не запинался...

Ночью разведвзвод в полном составе встал лагерем на относительно сухом холме, возвышающемся над бесконечной глиной и грязью джунглей. Рэчейн приказал выставить двойные дозоры – Калли считал это разумным, хотя и понимал, что этой ночью никто не выспится.

Удвоенный караул или же нет, но на утро Ходок был мёртв.

Калли вскочил со спальника, услышав вопли Заусеницы. Соплячка была бойцом второго отделения, и именно она нашла покойника.

«Не повезло сучке», – подумал Калли. – *«Добро пожаловать в сраную Гвардию»*.

Калли был закаленным ветераном и видал всякое похуже этого – но не сильно. Но вот Заусеница не была и не видала, и теперь блевала, стоя на коленях, а остальные бойцы взвода окружили её, держа оружие наготове.

Ходока выпотрошили.

Его подвесили на здоровенном дереве примерно в метрах девяносто от лагеря, а кишки сопляка толстыми вонючими лиловыми веревками свисали из вспоротого живота. Руки Ходока связали на груди в отвратительной пародии на знак Аквилы.

Они выставили двойной дозор, но никто ничего не слышал.

– Орки не такие тихие, – пробормотал под нос капрал Данникер Калли, когда рядом не было никого, кто мог бы услышать. – Сраный орк не провернул бы такое.

Калли только медленно кивнул в ответ.

Сам он думал ровно о том же самом, и поставил бы месячное жалованье на то, что Рэчейн считает также.

– Не вздумай сказать что-то подобное рядом с салагами, – предупредил Калли младшего капрала. – Они и без этого готовы в штаны наложить. Первый,

кто хоть шепотком обмолвится о эльдарах, получит мой штык прямо в задницу, сечешь?

– Ну и что мы им тогда скажем? – спросил Рэчейн, стоя позади них.

Калли удалось заставить себя не вздрогнуть. Данникер – нет.

Рэчейн при желании мог передвигаться абсолютно бесшумно, словно сама ночь.

– Хрен знает, сержант, – слишком быстро пробормотал Данникер.

Калли поморщился. Неверный ответ.

Рэчейн быстро, почти незаметно ударил Данникера по кишкам, отчего молодой человек упал на колени в грязь.

– Орки, кретин, – прошипел сержант. – Кто это ещё может быть? Орки. Мы сражаемся с ними. Следим за ними. Это были орки. Тебе ясно, тупой ублюдок?

– Да, сержант, – прохрипел Данникер, пытаясь восстановить дыхание. Калли только кивнул:

– Орки. Конечно. Они вообще очень тихие парни.

Они с Рэчейном долго смотрели друг другу в глаза, и сержант кивнул.

– Я объясню ситуацию лейтенанту, – сказал ветеран, – а ты иди и как следует все осмотри.

– Сэр! – отчеканил Калли.

Он жалостью посмотрел на Данникера, стоящего на коленях в глине и грязи, и заставил себя пройтись и осмотреть труп.

Ходок был подвешен на толстой и крепкой веревке, сделанной из лиан. *«Кто-то потратил уйму времени, чтобы сплести её, как надо»*, – подумал Калли. Руки салаги связали веревкой потоньше, но она также была самодельной: пальцы были опутаны так, чтобы придать им форму крыльев и двух голов Аквилы.

«У кого-то большие проблемы с головой», – решил Калли. – *«Сукин сын потратил кучу времени, чтобы заявить о себе, но сделал это очень тихо»*.

Чертовски тихо, по мнению капрала.

Калли вздохнул и на мгновение снял шлем, проведя рукой по волосам, мокрым от пота. Склонив голову, он зачитал Благословение Императора над телом Ходока и отвернулся. Здесь больше не было ничего, что могло бы его заинтересовать: сосунка пришили умело и бесшумно, а затем кто-то подвесил его труп и связал руки в знаке Аквилы.

Калли хотел было вернуться и доложить сержанту, но на мгновение остановился.

Он не знал, что заставило его сделать это – возможно, инстинкт, а может, это Император ответил на его молитву, – как бы то ни было, капрал сделал паузу, а затем обошёл висящее тело, чтобы взглянуть на него сзади.

И проблевался от того, что увидел.

Задняя часть форменных брюк Ходока была залита кровью. Обе его ягодицы отрезали тяжёлым клинком вроде тех, что используют орки. Чтобы не убило солдата, оно не забыло вырезать себе пару хороших стейков...

– Нет, – сказал Рэчейн, выслушав рассказ Калли. – В официальный рапорт это не попадёт.

– Но сержант!.. – запротестовал лейтенант Мэккрон во тьме душной командирской палатки. – Наш долг...

– Нет! – отрезал Рэчейн. После небольшой паузы он добавил:

– Сэр.

– Знаю, знаю, – кивнул Калли. – Официю Префектус...

– Ага. Именно, – выплюнул Рэчейн.

Лейтенант пребывал в очевидной растерянности, переводя взгляд с одного говорящего на другого.

«Интересно, этот молокосос уже начал бриться?», – с ленцой задумался Калли.

– Может, один из вас проявит вежливость и объяснит, что вы имеете ввиду? – обратился Мэккрон.

Он усмехнулся: молокосос пытался говорить как командир, но издавал только жалобное хныканье сопляка.

Рэчейн вздохнул.

– Сэр... вы хоть представляете, сколько народу Астра Милитарум потеряли на этой жалкой, покрытой кровью планете за последние два года?

– Нет, – честно признался Мэккрон.

«Да два года назад у тебя еще яйца не опустились», – подумал Калли. – *«Ты тогда и не слышал о Вардане IV»*.

Впрочем, в этом он даже завидовал парню.

Рэчейн пристально посмотрел на лейтенанта одним из своих пугающих фирменных взглядов, а потом ответил молодому офицеру низким ровным голосом:

– Почти два миллиона.

Мэккрон сглотнул. Загорелое лицо молокососа побледнело.

– Сколько... сколько?..

– Два. Гребаных. Миллиона, – ответил сержант. – Плюс-минус столько. Никто не знает точных цифр, понимаете? В этом и проблема, сэр. Люди уходят в зеленку, а потом просто... не возвращаются. И так снова... снова и снова. А теперь пришла наша очередь. Нас послали в этот сраный ад подальше от нашей славной огневой базы!

– Но я все еще не понимаю...

Рэчейн ударил кулаком по столу и поднялся на ноги.

– Я не могу... – процедил сержант. – Я больше не могу! У меня нет настроения на этот идиотизм! Калли, твоя очередь нянчиться с ним. Я пройду с лагерью и поговорю с бойцами. Сделаю свою чертову работу...

Он выбежал из палатки, буквально отшвырнув ее полог, и оставил Калли наедине с лейтенантом.

– Сержант... ну, он заботится о солдатах... сэр, – заговорил Калли, испытывая неловкость. – На него сильно давят обстоятельства...

– Я понимаю, капрал, – кивнул Мэккрон. – Я не так наивен, как считает Рэчейн. Возможно, я плохо понимаю реалии нынешнего театра боевых действий, да, но я всё понимаю. Боевой дух... и всё такое...

«Нынешний театр боевых действий...», – с отвращением подумал Калли.
– *«Будто бы ты, говорящая ветошь, видел другой...»*.

– Дело в том, сэр, – начал капрал, – что эта война – адская мясорубка, и она такая вот уже много лет. Кровожадных орков невозможно остановить. Зеленокожих тут миллионы, и мы играем на их территории. И не выигрываем. Понимаете, сэр? Мы не побеждаем в этой войне. Вообще. А что случилось сейчас? Там, в джунглях, появилось что-то ещё. Вы же видели Ходока, ага?

– Кого?..

– Ходок. Труп.

«Император Благословенный, какой же он идиот...».

– О, вы имеете в виду рядового Верлхана? Да, да, я... я видел тело.

«Его звали Верлхан? Пусть так, значения это уже не имеет...».

– Ага. Да. Его. Послушайте, сэр. Ходока убили посреди ночи, а мы накануне выставили удвоенный караул. Знаете, не все в отряде гребаные новобранцы. Император помилуй, в дозоре стояла Стальной Глаз, и всё равно никто ничего не слышал, даже она! Орки такие же бесшумные и скрытные, как граната на фабрике по переработке прометия! Это не орк завалил Ходока, и не орк отрезал его задницу себе на обед! Здесь есть кто-то еще. Кто-то хуже орков – будто бы эта война и так недостаточно дерьмовая. Там кто-то, кто очень похож на друкхари. Думаете, Официо Префектус хочет об этом услышать? Более того, хотят ли они, чтобы об этом узнал кто-то ещё? Вы напишете официальный рапорт, и болтер комиссара окажется в вашей жопе еще до того, как вы пробормочите *Ave Imperator*. Теперь понимаете, сэр?

Мэккрон сидел и тарасился на Калли, моргая, словно только что выброшенная на берег рыба, а по его гладкому лицу стекали ручейки пота.

– Я... – начал было он и замолчал.

«Кадетская школа вряд ли готовит лейтенантов к тому, что их обоснованно и громогласно будут наставлять их собственные капралы», – подумал Калли. – *«А следовало бы...».*

Лейтенант Мэкрон бросил долгий взгляд на вонючую черную грязь, облепившую его новенькие ботинки, выданные Муниторумом, а потом перевел глаза обратно на Калли.

– Друкхари? Вы действительно так считаете?

Калли медленно кивнул. Именно они – он был уверен. Это должны быть друкхари.

Он даже думать не хотел о других вариантах.

На следующее утро они похоронили Ходока и свернули лагерь. Когда Рэчейн провёл переключку, одного имени в списке не было...

– Черт возьми, а где Заусеница? – спросил сержант.

Калли обыскал лагерь и прилегающие к нему джунгли, но в глубине души знал, что результаты поисков ему не понравятся. В конце концов, никто не дезертирует, находясь так глубоко в джунглях...

Капрал был прав.

Заусенице не повезло точно также, как и Ходоку. Она свисала с дерева в пятиста ярдах от лагеря. Кишки соплячки спутанными петлями лежали вокруг ее ног.

От дежурного поста Заусеницы до места экзекуции вели грубые следы: живую или же мёртвую, девушку тащили по земле, а ее руки, как и у Ходока, были связаны перед грудью в пародии на Аквилу.

– *Imperator nos defendat*, – прошептал Калли одну из немногих фраз на высоком готике, что он знал.

«Император, защити нас».

Калли был искренне верующим человеком, но, глядя на болтающийся труп Заусеницы, задумался, не отвратил ли Император свой взор от Вардана IV. Левая рука девушки была отрезана ниже локтя: хрящ сустава был аккуратно распилен, сияя белым пятном на фоне рваной плоти вокруг, и рядом не было никаких признаков отделенной конечности.

«Кто-то забрал себе кусочек на барбекю», – подумал Калли, судорожно сглотнув подступивший ком желчи.

– Эй, – тихо сказал он Рэчейну, когда был уверен в том, что их никто не услышит. – Нам нужно поговорить.

– Нет, не нужно, – возразил Рэчейн. – Это друкхари. Я это знаю. Ты это знаешь. О чём тут говорить, если только не об убийстве твари?

– А что, если мы ошиблись?

– Это...

– А ты уверен, Рэчейн? – перебил Калли, положив руку на плечо сержанта, когда тот было начал отворачиваться. – Потому что... А вдруг это не так?

Ветеран развернулся и пристально посмотрел на капрала.

– Я знаю, что ты хочешь сказать. И я очень оценил бы, если бы ты заткнулся. Это друкхари, понял?

Калли происходящее напоминало сцену с Данникером: тогда Рэчейн сказал, что это был орк, хотя все они прекрасно знали, что это не так.

Он сглотнул ком. Они с сержантом дружили вот уже несколько лет – немногие гвардейцы столько вообще жили, – и могли быть честны друг с другом. Капрал доверял старику и молился Императору, чтоб тот оказался прав, хоть в глубине души в это не верил.

– Лады. Поговорим о том, как убить... это, – согласился Калли.

«Чем бы оно ни было. Потому что это не друкхари, Рэчейн, и ты это знаешь не хуже, чем я», – подумал капрал, но ничего не сказал. Рэчейн был его другом и бессом, и, если быть честным с самим собой, Калли всегда немного побаивался ветерана-сержанта.

– Все живое можно убить, – прорычал Рэчейн. – Находим тварь, загоняем ее в угол, убиваем. Императора ради, у нас во взводе есть Стальной Глаз! Нет такого живого создания, которому бы она не смогла прострелить голову с полумили одним выстрелом! Нужно просто дать ей шанс!

Калли кивнул. По крайней мере, Рэчейн был готов сделать то, что нужно – это главное. А поспорить о деталях можно потом...

Следующей ночью они потеряли Козявку, Невротика и Красотку.

Всех троих нашли вздернутыми и выпотрошенными точно так же, как и Ходока с Заусеницей.

Левая нога Козявки была чисто и аккуратно отрезана ниже бедра.

«На Козявке было полно мяса», – не мог не заметить Калли. Он вообще не понимал, как парень прошёл базовую подготовку с таким весом – впрочем, теперь это не имело большого значения. В конце концов, он был мертв.

Как и Невротик, который был корректировщиком Стального Глаза, подающим большие надежды в роли взводного снайпера. И Красотка, что была одним из лучших разведчиков, которые когда-либо служили в их взводе.

«Красотка», – подумал Калли, и у него похолодела кровь. – *«Она хоть и была соплячкой, но ее скаутские навыки можно назвать выдающимися. Ага. Можно... было»*, – поправил себя капрал, отводя взгляд от зияющей раны в животе девушки.

Что-то подкралось к Красотке. Что-то тише и страшнее ее самой.

Калли нервно сглотнул. Он знал, что был прав и не важно, хотел это слышать Рэчейн или нет.

Конечно, не хотел. Калли и сам бы не хотел такое слышать, хотя и думал об этом.

«Я ошибаюсь. Я просто обязан ошибиться...», – говорил себе капрал, хоть и знал, что это не так.

Сейчас они находились глубоко в джунглях, может, в сотне миль от огневой базы «Тэта-82». Их разведывательный патруль всё глубже проникал на вражескую территорию, и каждый день они были вынуждены драться с орками – впрочем, для Калли было второстепенной помехой. Вот уже два года он дрался с зеленокожими в душных джунглях Вардана IV. Он научился их понимать и уважал, но по-настоящему уже не боялся.

Боялся Калли кое-кого другого.

Теперь не стало Вокс-жокея, Мечтающей Летать и Подлизы.

Вокс-жокею повезло погибнуть в бою, как и полагалось нормальному гвардейцу: его изрешетил тяжёлый стаббер орка, и Калли даже удалось забрать жетоны мальчишки, когда они отступили с позиции, на которой обустроили засаду. По крайней мере, его семья получит письмо – конечно, если Калли сам отсюда выберется. А если и нет, то какого черта забивать себе этим голову?

Но вот Мечтающую Летать и Подлизу постигла та же участь, какую разделили Ходок и остальные. Их выпотрошили среди ночи и вздернули на деревьях, придав связанным рукам благочестивый знак Аквилы. Из Подлизы прихватили пару кусочков на стейки, а вот Летунью не тронули.

«На ее костлявом теле и мяса-то не было», – подумал Калли. Он стоял, прижимаясь лбом к дереву, пока тошнота не прошла.

«Это друкхари», – говорил он себе. – *«Так сказал сержант. Это гребаный мясник-друкхари».*

Это был не друкхари, и он знал это. Это знал и Рэчейн, и, как подозревал капрал, знала Стальной Глаз. Калли осталовалось лишь предполагать, догадывается ли Гешт...

«Нет-нет-нет. О, Святый Бог-Император на Терре, не надо так с ней. Пожалуйста. Пожалуйста, не надо!..».

На двенадцатый день разведпатрулирования они обнаружили орочий лагерь. Это сделала Стальной Глаз, передав координаты своей позиции по командному вокс-каналу. Она была единственным военнослужащим, который не имел отношения к офицерскому составу, но носил личную вокс-бусину – впрочем, исключительно потому, что Стальной Глаз была почти легендарным снайпером, отчего Рэчейн без проблем получил для нее коммуникатор. Даже полировщики кресел в Муниторуме слышали о Стальном Глазе, и, откровенно говоря, злить ее никто не хотел. Если снайпер хотела вокс, пусть будет так.

– *Принял*, – сказал Рэчейн, обратившись к Калли. – *Первое отделение, выдвинуться вперед и обеспечить поддержку.*

Калли постучал по вокс-бусине в знак подтверждения, жестом приказывая отряду идти вперед.

Гвардейцы пробирались сквозь вечный мрак покрова зелени к позиции снайпера с оружием наизготовку под непрерывным проливным дождем. Сам Рэчейн во главе второго и третьего отделения заходил с дальнего фланга. Калли знал, что сержант не доверял Гешт и Данникеру, считая, что нужно за ними присматривать.

«*Я альфа-волк*», – сказал про себя капрал, смахивая с плеча нечто с щелкающими клыками до того, как оно прокусило его пропитанный потом китель. – «*Сержант мне доверяет*».

Но доверяет ли? Так ли это? Если верить Рэчейну, то они охотились на одиночного друкхари, но Калли был уверен в том, что это дерьмо гроксячье. Капрал знал, кто убийца. Каждой ночью он ворочался палатке, покрытый собственным едким потом, и в лихорадочных ночных кошмарах видел лицо их смертоносного врага...

Но это было ночами, когда Калли задыхался от избыточной влажности. А выход на позиции происходил прямо сейчас. Гвардеец должен жить в текущий момент, или же в этом самом «сейчас» он и погибнет.

В Гвардии не было лишнего времени, чтобы отвлекаться на мелочи.

Орочье поселение выглядело грубым и неуклюжим – впрочем, как и все, что строили орки.

Калли и первое отделение залегли в похожую на болото грязь среди деревьев. Лазерные винтовки крепко прижаты к плечам в ожидании команды «огонь», пока сверху льет проливной дождь.

Капрал понятия не имел, где находилась Стальной Глаз. Она напоминала призрака в зелени – безмолвная и невидимая.

Как и все ветераны...

«Заткнись, Калли», – сказал он себе. – «Не думай об этом. Не надо».

Капрал посмотрел в прицел винтовки, выбирая цели. Большее сделать было нельзя – был приказ ждать, пока мастер-снайпер не сообщит, что время настало. Впереди находились орки: они чистили оружие, латали соломенные крыши ветхих лачуг, жарили мясо на кострах, которые дымили и шипели под дождём...

Жарили мясо...

«Может, я все-таки ошибаюсь?», – подумал Калли.

Так все было бы куда проще. Забыть о друкхари, отместить и второй вариант... Возможно, это действительно орки? Очень, очень тихие орки. И они знают, что означает Аквила...

«Не будь гребаным кретином», – сказал капрал сам себе.

Естественно, он хотел, чтобы это были орки. Он знал орков. И да, он ненавидел зеленокожих. Они были грязными ксеносами, врагами благословенного и святого Бога-Императора, но после двух лет на Вардане IV он понимал тварей...

Нет.

Нет. Это же так не работает, верно? Это не орки, как бы сильно капрал того не хотел...

Калли плотнее прижал оружие к плечу и прицелился в здорового зеленокожего.левой рукой орк заряжал патронташ в тяжёлый стаббер и энергично ковырял в носу указательным пальцем правой.

Стальной Глаз пока выжидала.

«Это был не гребаный орк».

Калли срочно нужно было хоть кого-нибудь – кого угодно, – грохнуть, лишь бы не думать об альтернативном варианте. Хотя бы и ненадолго...

Джунгли меняли представления людей о правильном и неправильном. Джунгли вообще делали странные вещи с умом людей, и что же они могли сделать с таким человеком?..

«Заткнись, Калли! Заткнись-заткнись-заткнись!».

Дверь одной из лачуг распахнулась. Здоровенный орк с огромным ржавым тесаком в руке начал спускаться вниз по грубо отесанным деревянным ступенькам. Зеленокожий был одет лишь в кожаный жилет с шипами и большие уродливые сапоги. Даже по меркам ксеносов он был настоящим исполином. Теперь стало ясно, кто был боссом в этом лагере.

Стальной Глаз попала ему в левое глазное яблоко с трехсот ярдов, вышибив мозги орка через испарившиеся остатки затылка.

– *Поехали*, – протрещал вокс в ухе Калли.

Капрал без колебаний всадил три заряда в любителя ковыряться в носу, отчего тварь упала с задницы на спину рядом с костром. Ноги орка поднялись в воздух, и капрал умышленно выстрелил ему в промежность – потому что мог.

«Убит!».

Огромная тварь дергалась и вопила, продолжая лежать на спине, пока Силач не метнул крак-гранату.

На этом все и закончилось.

Силач был лучшим парнем в отделении Калли – прирожденный гренадер. Он тащил большую часть гранат отряда, висевших в тяжелой бандольере, переброшенной через плечо, из-за чего ходил, постоянно склонившись влево.

Как считал капрал, иметь снайпера вроде Стального Глаза, конечно, замечательно – каждый их выстрел был персональным посланцем смерти, но зато гранаты были адресованы всем и сразу, а в бою с орками это многого стоило.

– Вперёд! – закричал капрал, поднимаясь из укрытия и на ходу поливая лагерь в автоматическом режиме огня.

Больше там уже ничего не двигалось, и Калли вполне устроило, если бы так и все оставалось и впредь. Впрочем, конечно же, все вышло совсем иначе.

Орки вывалились из хижин, из-за деревьев, из нор в земле.

Ублюдки всегда так делали.

Вокруг засвистели пули крупного калибра, когда капрал атаковал зеленокожих. Отделение следовало позади, пока в руках Калли лаяла лазерная винтовка. Орки были дерьмовыми стрелками, но каждый тащил в лапах тяжёлый стаббер – эти здоровенные, уродливые и измазанные красным самоделки, сыпящие искрами при стрельбе во все стороны, но изрыгающие массивные разрывные пули с ужасающей скоростью.

Калли нырнул за крупный ствол старого дерева и прицелился, а затем располовинил одного из орков концентрированной очередью лазерного огня. Голова другого взорвалась от попадания снайперского лазгана – Стальной Глаз высвободила мощь винтовки, где бы она, черт побери, не скрывалась.

– Первое отделение! Валите их! – проревел Калли, и его отряд снова рванул вперед, выполняя свою работу.

Имперская Гвардия нужна, чтобы умирать и убивать.

– Сдохни, сдохни, сдохни! – кричал Калли, пока воздух вокруг шипел от лазерного огня.

Это был момент, ради которого он жил.

Смерть, смерть, снова смерть.

Таков был неофициальный девиз Астра Милитарум – убивать, убивать, убивать...

...уже после Калли поймет, что по-настоящему не запомнил самого боя. Позже он узнал, что Стальной Глаз засела на дереве и сняла пятнадцать зеленокожих, а столкновение длилось не больше десяти минут.

Все это напоминало вечность из летящих кусочков раскаленного свинца, лазерного огня, криков, адреналина и ужаса, что кончилась всего лишь за несколько минут.

Калли плюхнулся на ствол дерева, наблюдая, как снайпер, закинув винтовку на плечо, спускается с ветки в кроне дерева. Она бросила долгий ответный взгляд на капрала. Ее единственный аугметический глаз щелкнул, перестраиваясь с режима прицеливания на режим взаимодействия с человеком – куда более редкий для снайпера.

– Ты же знаешь, что это не орк? – тихо сказала Стальной Глаз.

Калли вздохнул и кивнул.

– Знаю.

– И знаешь, что это не друкхари, ага? Они не водятся с орками, так что какого черта им здесь делать?

– Не-а, – признал Калли. – И не друкхари. Да, это сержант так сказал... но он и сам знает, что это не они.

Стальной Глаз долго смотрела на капрала, пока зеленые сопли заполняли дыру в центре ее лица.

– Он старается об этом не думать, – наконец, сказала снайпер.

Калли сглотнул и харкнул на землю между ними.

– Я не хочу... – начал было капрал.

Стальной Глаз пожала плечами.

– Да никто не хочет. Никто, блять, не хочет признаться хотя бы себе, а? Да мне похер, Калли. Какого черта я должна бояться? Что, за мной прибежит комиссар? И что? Я ему скажу, как есть, раз уж больше никто не может.

– Милость Императора, Глаз, он же один из нас...

– Точнее, был одним из нас, – поправила снайпер. – Официально он числится пропавшим без вести. Никто не узнает – он же угодил в список, помнишь?

Сержант Дрэчан вытер жир с пальцев и забросал грязью костер.

Последний был восхитительным.

Император Милостливый, эти солдатики были безнадежны – единственное, на что они действительно годились, так это на мясо.

Рэчейн хорошо знал свое дело, да и Калли тоже – во всяком случае, когда думал о работе, а не о карточном столе. Стальной Глаз была воплощением имперского правосудия, а ее винтовка – молнией, разящей с небес. Возможно, он оставит её в живых. А вот новый лейтенант был ребенком – может он и был цветом имперской молодежи, но никак не годился для Вардана IV. Дрэчан прикинул, что его тоже придётся убить.

Дрэчан сожалел, что происходящее дошло до такого позора, но он делал то, что сделать было необходимо – взвод нужно было сделать сильнее, если они хотят победить врага. Закалить в пламени, как и любой отличный клинок.

Его пламени.

А ещё была Гешт.

Гешт спала со своим сержантом – чего уж, от этого никуда не деться. Она любила его – это было позором. Слабостью.

Это делало Гешт еще одной проблемой взвода «Альфа».

– Ты в это действительно веришь? – спросил Калли.

Стальной Глаз кивнула.

– Да. Это Дрэчан. Ты это знаешь, Рэчейн знает, даже Гешт знает. Прости, конечно – я ведь не меньше твоего хочу, чтобы она считала иначе и чертовски хорошо понимаю, что Гешт не сможет это признать, и все-таки... все-таки она знает, и теперь мы здесь.

– Как думаешь... что она собирается делать?

Стальной Глаз пожала плечами и посмотрела на Калли

– А что сделаешь ты?

«А что делает Гвардия? Убивает, убивает и опять убивает...».

– Ну и как мы это провернем?

Стальной Глаз снова вытерла дыру на лице.

– Хотела б я знать сама.

Той ночью кретины выставили тройной караул – поэтому большинство солдат бодрствовали, а не спали. В основном это были гребаные «новенькие сапоги», едва обученные и до безумия испуганные салаги, абсолютно бесполезные перед лицом настоящей войны. Дрэчан два года провел на Вардане IV – он знал джунгли, жил ими и от каждого глотка зловонной влажной гнили чувствовал себя живее.

Он любил их так же сильно, как ненавидел рукотворную среду казарм, боевых кораблей и огневых баз.

Пусть пропитанные гнилью и вонью, но джунгли были *настоящими*.

«Теперь это мой дом», – подумал Дрэчан. Он висел ногами вверх, зацепившись сгибом коленей на ветвь дерева. Сержант был невидим – лицо и рваные лохмотья его бронежилета были покрыты смесью человеческого жира и черным углем из костра. В левом кулаке он сжимал петлю из туго сплетенных лиан, а в правом крепко держал нож.

Смерть.

Правосудие.

Естественный отбор.

Воля Императора.

«Я – лучший сержант!», – говорил сам собой Дрэчан. – «Не Рэчейн – я! Думаешь, он сможет пережить то, что пережил я? Два месяца в плену орков, прежде чем я зубами и ногтями пробил себе путь на волю? Не-е-ет. Нет, Рэчейн не смог бы. Я альфа-вожак взвода «Альфа»!».

Да, он был вожаком. Со временем они все это увидят – да, выжившие поймут это.

Конечно, те немногие, кому он позволит жить.

Достойные.

В ту ночь умер Любитель Пилотов. Он был всего лишь мальчишкой, пускающим слюни на женщин-пилотов «Валькирий», размещенных на аэродроме огневой базы «Тета-82».

Они выставили тройной караул и всё же никто ничего не слышал.

– Как призрак... – пробормотал Рэчейн, когда они нашли молодого солдата, свисающего с дерева. Кишки салаги болтались, словно толстые, вонючие пурпурные веревки. – Ничто не может двигаться настолько тихо.

– Кое-кто может, – сказал Калли и обменялся долгим взглядом со снайпером. – Кое-кто, кого мы знаем.

Рэчейн повернулся, заноса кулак для удара, но капрал встретил взгляд старого друга, не дрогнув.

– Давай, Рэчейн, – сказала Глаз, высморкавшись прямо из дыры посредине изуродованного лица. – Ну и кто был твоим лучшим разведчиком? Кого ты посылал в зеленку, чтобы тихо и без лишней суеты вырезать в темноте группы орков, вырвавшихся вперед? Ага, это всегда был Дрэчан.

– А ну угомонись! – прорычал Рэчейн. – Это не...

– А разве это не так?! – огрызнулся Калли. – Не так, а, Рэчейн? Это не орк, и мы все отлично знаем, что на этой планете нет друкхари. Кто, черт возьми, это еще может быть? Кто может быть настолько хорош?

– Никто, – со вздохом признал Рэчейн. – О, любовь Императора, вы прав. Как же вы правы... Я уже давно знаю, что это он, просто... Я бы хотел оказаться неправ, понимаешь?

Калли обернулся, чтобы взглянуть на друга, и отпрянул, увидев его глаза. Увидев в них предательство, отчаяние и смерть.

– Да, – наконец, ответил капрал.

Рэчейн стиснул зубы.

– Тогда мы покончим с этим, – сказал сержант. – Покончим немедленно.

До окончания дня они были заняты: требовалось вырыть ямы, поставить капканы, нарубить, заострить и наставить колья. Джунгли вокруг исходили паром, отчего форма и бронежилеты мерзко прилипали к телу, в то время как по волосам ползали отвратительные насекомые.

Вардан IV был адом.

«Император сотворил Вардан IV, чтобы испытать верующих», – вспомнил Калли старую шутку, полную горькой иронии.

Но нет, этот мир сотворил не Он.

Вардан IV создали монстры. В богатом опыте Калли эта планета была худшим местом в галактике, состоящим из не менее плохих мест поменьше. А теперь им и вовсе противостоял самый худший монстр этого мира.

Один из своих.

Джунгли делали странные вещи с разумами людей. Дрэчан напрочь сошёл с ума, и Калли понятия не имел, где сержант провел три месяца с тех пор, как

попал в список – видит Император, капрал и не хотел это выяснять. Сама мысль об орочьем плене... нет. К черту.

Нет, об этом не стоило думать. Оставалось только гадать, как Дрэчан спасся, но даже если он вытащил из пленения свое тело, то совершенно точно оставил там разум.

Калли вытер пот со лба тыльной стороной ладони, вспомнив орочий лагерь, который он, Рэчейн, Дрэчан, Стальной Глаз и другие ветераны взвода «Альфа» освободили год назад. Заключенных держали в крошечных бамбуковых клетках, под которыми прорастали молодые побеги, похожие на небольшие копья. Тела невольников искривились и были изувечены – неспособные пошевелиться, они отчаянно старались избежать прорастающих по нескольку дюймов в день растений, грозящих пронзить плоть несчастных.

Других несчастливцев заперли в металлических коробах, раскаленных от жары джунглей Вардана IV.

За сакрой и игрой в кости ветераны обсуждали, умирали ли заключенные от жары и обезвоживания до того, как плоть варилась прямо на их костях, или же, доведенные голодом до безумия, они начинали пожирать свои конечности до того, как жара их убивала? Впрочем, в железных коробах не нашли никого живого, кто мог бы ответить на эти вопросы.

Но на некоторых телах были признаки каннибализма. Эти люди поедали свою плоть.

Калли вздрогнул. Он посмотрел в яму. Теперь она была в двенадцать футов глубиной, с дном, покрытым заостренными кольями. Ничто упавшее вниз не выберется оттуда живым.

Они выкопали восемнадцать таких вокруг лагеря. Калли оставалось только молиться, чтобы их оказалось достаточно.

Молитв было недостаточно.

Дрэчан миновал ловушки так, словно бы их там и не было. Он смеялся, убивая, смеялся особым тихим смехом во тьме ночных джунглей.

Это был смех, которому сержант научился у орков.

Где-то глубоко внутри Дрэчан знал, что изменился. Он больше не тот человек, что раньше – он эволюционировал. Орки переделали его, научили новому образу, новым приоритетам и существованию. Самым главным среди зеленокожих был самый сильный – так почему бы и нет?

Если подумать, то это имело свой смысл. Все знали избитую истину – кто сильнее, тот и прав. Сам Империиум работал именно по такому принципу – почему здесь должно быть иначе?

Да, джунгли отлично проясняют мышление человека.

Теперь Дрэчану все было предельно понятно – он знал, кем был, он знал, что должен делать. Смеясь, он обвил петлёй горло Заточки и вздернул ее на дерево. Сержант висел на ветви ногами вверх, когда вонзил в живот жертвы боевой нож и с силой провел клинком вниз, вывалив кишки Заточки прямо ей на ботинки.

У него не было огнестрельного оружия с момента пленения, но Дрэчан с удивлением обнаружил, что вообще по нему не скучает. Стандартный гвардейский нож, чтобы убивать. Украденный тесак, чтобы резать мясо.

Так просто. Так понятно. Только сила и сталь – и ничего лишнего.

Дрэчан бродил по джунглям, словно беспокойный дух, разыскивая лейтенанта.

Кровь, кровь, смерть – они снова и снова отпечатывались в самом естестве сержанта, закаленном пламенем войны на двадцати мирах. Смерть, смерть, снова смерть. Убивай, убивай, вновь убивай.

Таков был неофициальный девиз Имперской Гвардии. Именно ради этого она и существовала.

– Зубы Императора! – выругался Рэчейн следующим утром.

Тройной караул, но они всё равно потеряли двоих. И если смерть лейтенанта Мэкрона была неизбежной, то о Заточке такого сказать было нельзя – она была настоящим солдатом, а не какой-то салагой из «новеньких сапогов».

Со злости Рэчейну хотелось биться головой об дерево, а еще очень, очень сильно хотелось кого-нибудь завалить.

Кого-нибудь. Кого угодно.

– Калли! – взревел он, увидев висящие трупы. – Сюда!

Калли рванул так быстро, как мог. Да, Рэчейн был его другом, но бывали моменты, когда с ветераном-сержантом было лучше не связываться.

– Я... я и не знаю, что сказать, – пробормотал капрал, уставившись на тела Мэкрона и Заточки.

Лейтенант был сущим младенцем и идиотом, но вот Заточка была жесткой – черт, да она была ветераном! У нее не было недостатков, разве что...

– Ей нравилось играть в «Короны», – выпалил у Калли. Слова вырвались изо рта, прежде чем он успел подумать о них. Нигде и никогда нельзя сдавать боссу товарища, даже когда её находят подвешенной на дереве, а ты чувствуешь вонь дерьма, вытекающего из ее вспоротых кишок... Впрочем, раз ты уже это сделал, то, может, разок и можно.

– О святой Бог-Император, Рэчейн, неужели ты сам не видишь? Он ненавидел азартные игры, ненавидел сопляков-офицеров, ненавидел слабости в любом их проявлении! Ходок упал в грязь и выдал нашу позицию, а Заусеница проблевалась, когда увидела его труп. А лейтенант...

– За-ткни-сь, – процедил Рэчейн. Уловив тон его голоса, Калли бросил долгий и пристальный взгляд посмотрел на сержанта.

– Ты знаешь – я прав, – сказал капрал. – Он очищает нас. Избавляет взвод «Альфа» от тех, кого считает слабым звеном.

– А как же Гешт? – спросил Рэчейн.

Калли бросил пристальный взгляд.

– Гешт следующая.

Гешт, конечно же, и слышать ничего не хотела.

По ее словам, такого и быть не могло – ни черта подобного. Её Дрэчан был мертв – все и так это знают. Конечно, он погиб, сражаясь с орками, как настоящий герой Империиума – да и он и был героем! И да, конечно же, он не выжил. Герои никогда так не делают. Конечно, это не Дрэчан охотится на них, убивает и пожирает.

За исключением, конечно, того, что это был именно он.

Калли, Рэчейн и Стальной Глаз чертовски хорошо знали, что это сержант. Глубоко-глубоко внутри и Гешт понимала, что они правы.

Она вспомнила, как Дрэчан сопровождал ее после задания, в котором они применили тяжелые огнеметы в маленьком поселении, не отмеченном на картах. Сержант держал ее при себе после этих событий.

По данным Муниторума там не было никаких поселений, но никто не мог положить руку на сердце и поклясться, что поселение всё же не было имперским.

Дрэчан тогда лишь пожал плечами и сказал: «Возможно, там были орки».

«Да, там могли быть орки», – сотню раз повторяла себе Гешт в сотый раз после того мрачного дня, полного пламени...

«Поберегись сейчас – не о чем будет жалеть после», – говорил Дрэчан.

Так было всегда.

Это было то, чему научил ее Вардан IV – всегда лучше перестраховаться, как сильно бы тебе не было жаль самого себя.

И вот ты на подходе к селению – кучке гниющих сборных домов на поляне. Что находится за их стенами? Банда зеленокожих? Школум? Госпиталь? Огневые позиции зенитных орудий?

Да кто знает...

Черт возьми, просто брось гранату. Поберегись сейчас – не о чем будет жалеть после. Трупы это лишь трупы, а плоть – просто мясо. Сожги все.

И вот ревут огнеметы, а тела горят в джунглях – по крайней мере, на их месте не лежишь ты.

«Спали всё», – говорил Дрэчан. – «Береженого бережет Император. Спали всё и никому об этом не говори».

«Я знаю», – внезапно подумала Гешт. «Знаю, что это ты, ебанный любовничек».

Она резко выпрямилась, проверила снаряжение и перезарядила лазган. Бросив взгляд на костер, капрал уловила в его свете влажный блеск соплей, вечно сочащихся из дырки на лице Стального Глаза и встретила с ней взглядом.

– Я сделаю это, – сказала Гешт. – Сегодня. С тобой или без тебя.

– Я иду, – ответила снайпер. Она встала, закинула на плечо винтовку и последовала за капралом.

Калли посмотрел Рэчейна. Ветеран-сержант оглянулся в ответ и сказал:

– Да.

Так немногие выжившие отправились на охоту за призраком.

Дрэчан вытер жир с пальцев.

Он чувал – они идут. Пришло времени двигаться дальше. Время убивать. Убивать. Опять убивать. Он – гвардеец.

Он был для этого создан.

Калли вел свой отряд сквозь залитую водой вонючую зелень. Они объединились с третьим отделением и следовали за Гешт и другими солдатами второго отделения, что пошли с ней.

Дрэчан был прекрасным разведчиком – тихим, как призрак, и смертоносным, словно акула. Никто во взводе «Альфа» даже и не надеялся

сравниться с ним по скрытности, поэтому они и не пытались, отвечая на каждый звук, шорох или движение залпами автоматического огня, чтобы завалить хоть кого-нибудь.

Убивай. Убивай. Убивай снова и снова.

Круглорожий пнул труп местной обезьянки, которую только что разорвал выстрелами на части и выругался.

– Не понимаю, капрал, – сказал он. – Если мы будем палить во все подряд, он нас услышит...

– Да он слышит даже то, как мы дышим, сопливый придурок! – рыкнул Калли. – Дрэчан был – да и остается – самым опасным парнем во взводе «Альфа». Нет, малыш, мы к нему не сможем подкраться. Поэтому придётся просто...

– Кровь и огонь! – взревел Рэчейн, в неистовстве выпуская в джунгли бурю автоматического огня, пока в батарее винтовки не кончился заряд, но даже тогда сержант продолжал жать на спусковой крючок, пока оружие щелкало в руках от бессильного отчаяния.

Калли помчался к позиции сержанта и резко остановился, увидев, отчего тот Рэчейн пришел в ярость.

Там был Данникер, чье горло рассек тяжелый клинок...

– Он был прямо сзади меня! – выругался Рэчейн. – А я ничего не услышал!

Силач швырнул в джунгли гранату, и в воздух поднялся огненный шар вперемешку с отломанными ветвями и пылью растительности.

Где-то в зеленке раздался смех.

Кровь Калли заледенела – в этих звуках не осталось ничего нормального и человеческого.

– Дрэчан, – прошептал капрал.

Рэчейн кивнул.

– Там...

Это стало ошибкой Дрэчана. Его первой и последней ошибкой – его смех услышала Стальной Глаз.

Когда Калли говорил Круглорожему, что Дрэчан самый опасный человек во взводе «Альфа», снайпер, конечно же, не слышала этого разговора, как, впрочем, и не слышала о нем после. Даже если бы все сложилось иначе, Стальному Глазу эти слова были совершенно безразличны – да, может Калли и был прав, но снайпер не была мужиком и точно знала, на что способна.

Она уже была на дереве, прижимая к плечу приклад своей модифицированной винтовки, а выпуклый аугметический глаз – к прицелу. Он щелкал механизмом, переключаясь с ночного видения в инфракрасный режим.

Парящие джунгли стали ярко-зелёными и красными, а прыгающие на верхушках деревьев обнзьяны при движении вспыхивали жёлтым.

Там.

Ярко-белое пятно тепла человеческого тела, очень-очень аккуратно двигающегося в укрытии, которое находится глубоко в зарослях в сотне ярдов от позиции второго отделения.

Дрэчан.

Стальной Глаз вдохнула. Она приготовилась к выстрелу, не обращая внимание на горячий дождь, бьющий по спине и плечам. Строки данных бежали внутри прицела, отпечатываясь в глазу: дальность, препятствия, показатели преломления, вероятность рассеивания. Снайпер отлично знала, что это единственная возможность.

Поберегись сейчас – не о чем будет жалеть после.

Она установила заряд на абсолютный максимум, чтобы опустошить всю батарею за один яростный выстрел и слегка выдохнула. Перекрестие прицела вспыхнуло красным – винтовка, выполненная по индивидуальному заказу, обеспечивала гарантированное попадание.

Стальной Глаз нажала на спуск.

– Святой Император! – крикнул Калли, когда мощный выстрел прогремел в ночных джунглях – одна-единственная, обжигающая вспышка энергии, подобная молнии гнева самого Императора. – Скажите мне, что это Глаз?

Рэчейн постучал по вокс-бусинке.

– Сержант «Альфы» Стальному Глазу, - сказал он. – Как слышишь?

– *Связь пять из пяти*, – отозвалась снайпер. – *А чтоб стало десять, нам нужно кое-что проверить...*

Как и ожидала Стальной Глаз, Гешт уже была на месте и стояла над телом любовника.

Сержант Дрэчан лежал, растянувшись на стволе большого дерева с дымящейся дырой по центру груди. В одной руке он сжимал гвардейский боевой нож, а в другой – массивный орочий тесак. Талию мертвеца обвивали длинные верёвки из скрученных лиан.

– Думала, твой почерк – это выстрелы в голову, – сказала Гешт, не поднимая глаз, когда снайпер подошла ближе.

Стальной Глаз пожала плечами.

– Трудный выстрел сквозь заросли. Нужно было бить в центр.

Гешт кивнула, не отводя взгляда от тела.

– Поберегись сейчас – не о чем будет жалеть после, – сказала она глухим голосом, полным горечи.

Капрал сорвала винтовку с плеча, переведя флажок на автоматический режим огня и в упор дала очередь по труп Дрэчана.

– Береженого бережет Император, ебанный любовничек! – взревела Гешт.

Именно такой эту сцену увидели Рэчейн и Калли: стреляющая Гешт, Дрэчан, превратившийся в дымящиеся куски почерневшего мяса, и молча наблюдающая Стальной Глаз.

– Довольно, Гешт, – сказал, наконец, Рэчейн. – Этого достаточно.

Капрал опустила оружие и посмотрела на сержанта.

– Этого никогда не будет достаточно. Убивать, убивать, опять убивать, помнишь?

Рэчейну оставалось только кивнуть.

Восемь дней спустя выжившие вернулись на базу огневой поддержки «Тета-82».

Рэчейн сохранил жетоны убитых Дрэчаном, чтобы их семьи получили письма и не мучились мыслями о судьбе близких.

Сержант взял клятву с каждого выжившего из взвода «Альфа» – Калли, Гешт, Стального Глаза, Силача, Круглорожего и остальных, что о произошедшем никто не узнает. Они просто столкнулись с ордой орков, и ничего больше.

Совершенно обыденная по меркам Вардана IV ситуация.

Никто больше не упоминал имя Дрэчана, а через три недели Гешт зашла в свою палатку и застрелилась.

Смерть, смерть. Снова смерть.

Всего лишь еще один день в славной Имперской Гвардии.